

2 FEB 38

ШКОЛА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЫ

Лесная улица, 18. Клуб имени Зуева. Вы входите в пестрящий афишами подвал, идете длинными коридорами, поднимаетесь по лестнице, еще несколько шагов, — и вы на территории оперной и драматической студии им. К. С. Станиславского.

Уже два года существует эта студия — создание выдающегося русского театрального деятеля, на протяжении своего долгого творческого пути вызвавшего к жизни немало замечательных театров и теперь отдающего этому своему детищу всю свою энергию, несъ полувековой накопленный опыт.

И преподаватели и учащиеся называют студию высшей школой художественной правды, художественного реализма. И это действительно так.

Подлинно высшей художественной школой для студийцев являются и занятия и личное общение с Константином Сергеевичем. Самая обстановка этих занятий и бесед необычна: студийцы обычно встречаются с Константином Сергеевичем у него на квартире.

— Начала каждого урока или беседы с Константином Сергеевичем, — рассказывают студийцы, — мы ждем всегда с каким-то радостным волнением. При входе Константина Сергеевича все встают. Он приветливо пожимает руку одной из девушек и одного из юношей, — тем самым он как бы пожимает руку всем собравшимся. Сколько бы ни длился урок или беседа, каждый из присутствующих невольным вздохом сожаления встречает неизбежное «пора заканчивать».

Каждая мысль Константина Сергеевича, каждое его слово, жест навсегда запечатлется в памяти студийцев.

— Никогда не забуду, — с увлечением говорит студийец г. Ермолов, — как однажды Константин Сергеевич на занятиях по художественному чтению прочел нам монолог Фамусова. Никакие книги, никакие пособия не смогли бы заменить для нас этого практического урока: в чтении Константина Сергеевича мы осязательно ощущали высшую степень той художественной правды, за которую он всегда так горячо ратует.

В другой раз мы показывали Константину Сергеевичу приготовленные нами этюды. Как всегда, он не только внимательно следил за нами, — казалось, он сам «действовал» вместе с каждым из нас.

— Не верю, — прерывал иногда Константин Сергеевич того или другого из нас и вместе с нами обстоятельно разбирал показанное, беспощадно вскрывая и утренняя напирыв и фальшь.

Кто-то из нас должен был показать ощущение предмета, тяжести.

— Не верю, — несколько раз останавливал Константин Сергеевич и вдруг пристал, сделал еще удивное движение, и мы разом почувствовали, что в руке он держит какой-то предмет. — так реально и правдиво выражено было им ощущение тяжести.

Константин Сергеевич требователей и к себе и к своим ученикам.

— Нельзя топтаться на месте, — внушает он студийцам. Если за день не приобретено ничего нового, — день этот потерял. Каждый шаг вперед, каждое новое приобретение открывает новые горизонты, намечает пути к новым творческим победам.

И Константин Сергеевич неутомимо ищет эти пути. Исключительная по своему принципиальному значению работа проводится им на оперном отделении студии. Великолепный опыт Художественного театра К. С. Станиславский смело переносит в оперу, стремясь «примирить» между собой дирижера, режиссера и певца, которые издавна враждуют между собой.

— Нужно ли спорить о том, — говорит Константин Сергеевич, — что в опере в подавляющем большинстве случаев преобладает композитор, и потому чаще всего именно музыка должна давать указания и направлять творчество режиссера. Это, конечно, не означает, что музыкальная сторона спектакля во главе с дирижером должна задавать сценическую часть вместе с ее руководителем-режиссером. Это означает, что последняя, т. е. сценическая часть должна равняться по музыкальной, помогать ей, стараться передавать в пластической форме то, о чем говорит аука музыки.

На оперном отделении студии Константин Сергеевич с настойчивостью исследователя-ученого изыскивает пути и формы практического претворения своей идеи, используя опыт оперного театра его имени.

Студийцы оперного отделения проходят почти все дисциплины — основные и вспомогательные, которые изучаются и на драматическом отделении, и прежде всего главные специальные курсы — «система К. С. Станиславского» и «мастерство актера». Параллельно они ежедневно ведут вокальные занятия, проходят сольфеджио, изучают элементарную теорию музыки, гармонию, занимаются в классах обязательно фортепиано и вокального ансамбля.

Сценическому и вокальному мастерству одинаковое внимание уделяется и в процессе учебной подготовки оперных постановок (сейчас в таком учебном порядке студия готовит оперы «Чю-Чю-Сан» и «Виндзорские проказницы»).

Участвующие в этой работе студийцы прежде всего тщательно знакомятся с музыкальными наметками к постановке опер, изучают музыкальные образы, усваивают сущность каждой роли. Только после этого они приступают к изучению музыкального и словесного текста оперных партий. Поэтому каждый исполнитель учит свою партию осмысленно, не довольствуясь интонационно и ритмически точным воспроизведением авторского текста.

Таким образом, на оперном отделении, так же, как и на драматическом, вся учебно-воспитательная работа подчинена единой задаче: вооружить будущего артиста всеми средствами, необходимыми для воплощения на сцене художественной правды.

Константин Сергеевич — не только не превзойденный учитель, он и замечательный воспитатель.

Студийцы с восторгом вспоминают его полнотрачасовую беседу о советском молодом человеке. Скромность — вот, по словам Константина Сергеевича, одно из непреходящих свойств советского молодого человека. И Константин Сергеевич горячо призывал студийцев к борьбе с зазнавством. Он говорил, что партия и правительство не устанут заботиться об учащихся, о молодежи.

Чем могут студийцы ответить на эти заботы? Только беззаветной преданностью своему делу, только единодушным стремлением выковать в студии такие творческие коллективы, которые создадут новые высокохудожественные произведения социального искусства.

ИВ. РЕМЕЗОВ